ЗОДЧЕСТВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НИКОНА:
служение Отечеству

В мире все более и более угасает мысль о служении человечеству.

Ф.М. Достоевский. *«Братья Карамазовы»*

Людям, живущим сегодня, только начинает приоткрываться сакральный завет-напутствие, запечатленный в узорочье монастырских стен, возведенных подвигом Патриарха Никона. Созидая молитву о спасении человечества и оставляя потомкам попечение о ее продолжении, Святейший не боялся быть непонятым, поруганным и гонимым, ибо деяния его были устремлены в будущее, открывая путь к миру Горнему, начало которого всегда на земле, преображенной и украшенной руками человека. И тем более ответственны должны быть поколения живущих сегодня, реконструируя молитвенную проповедь Святейшего Патриарха Никона, весь сокровенный смысл которой открывается избранным в каменных «скрижалях» образов-обителей, призванных явить гражданам путь к Воскресению.

Воплощая союзную идею царя Алексея Михайловича и «...возвышаясь благородством духа» (Августин Мейерберг, 1662), Патриарх Никон начал в 1658 г. возведение близ Москвы монастыря Нового Иерусалима – подобие Святой Земли. Это деяние Патриарха Никона, продолжено было в трудах и подвигах преп. Серафима Саровского, митрополита Платона (Левшина), валаамских старцев и других благоукрасителей земли Русской, бережно перенесших святыни Града Иерусалима в монастыри, скиты и пустыни на Российских просторах.

Возрождая сейчас обитель Новоиерусалимскую, мы становимся перед своеобразным рубежом, внутренним выбором: присоединиться к сонму праведников и стать состроителями, либо равнодушно взирать на руины бывшего величия, печально вздыхая о безвозвратно ушедших временах и, сетуя на разруху, искать причины этому вне самих себя.

Шел 1666 год... В результате ложного суда Святейший Патриарх Никон был отправлен в заточение в Ферапонтов монастырь. Строительство всех трех возводимых им монастырей – Иверского Валдайского, Крестного Кий-островского и Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, – было остановлено. Враги его торжествовали.

Однако, лишь получив возможность выходить из своей темной и угарной кельи, старец Никон принялся за устройство острова на Бородавском озере – там часто тонули люди. Очищая землю для хлебопашцев и жнецов, он собирал с полей многопудовые камни, которые перекатывались на плоты и доставлялись к месту будущего острова. Каждый камень в основание укладывался собственноручно Патриархом. Рукотворный остров, явившийся последним зодческим деянием Святейшего Патриарха Никона, несмотря на свои размеры (около 77 м в длину и около 20 м в ширину), стал своеобразным итогом всей его величественной и многотрудной подвижнической жизни.

Сделав натурные обмеры, исследователи были удивлены тем, что «композиция острова выстроена на основе прямоугольника золотого сечения... Эта система пропорционирования применялась (в Византии и на Руси – *О.Б.*) одинаково как для архитектуры, так и для иконописи»[1].

Знаменитый американский русист, директор Библиотеки Конгресса США Дж. Биллингтон также посчитал нужным дать оценку этому рукотворному «каменному кораблю»: «Никон выстроил одну из последних и самых мрачных монашеских пустыней – из камней, которые сам носил с берега в воду, старец сложил остров и на нем возвел надежный скит для уединенной молитвы»[2]. На допросе ссыльного Патриарха 18 января 1672 г. голова московских стрельцов Ларион Лопухин записал со слов заточенного старца: «...да на том же де озере поставил он Крест на островку погрузив камение для того, что прежде сего на озере по навету диавольскому многие люди потопали. А по устроении Креста православных христиан от утопления Бог хранит»[3], – но этот важный факт, как и многое другое, Биллингтон почему-то не заметил.

---

[1] См.: *Тодорова М.А.* Остров Патриарха Никона в Ферапонтове // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Вып. I. М., 2002. С. 41.

[2] *Биллингтон Дж.-Х.* Лики России: Страдание, надежда и созидание в русской культуре. М., 2001. С. 57.

[3] Цит. по: *Тодорова М.А.* Указ. соч. С. 45.

Ответ Патриарха Никона следует понимать сакрально: Бог хранит православных христиан по устроении Креста от погибели в волнах житейского моря. Принимая слова ссыльного Святейшего старца как его завет, категорически нельзя согласиться с мнением советолога из США Дж. Биллингтона, что «самый выдающийся церковный лидер» Патриарх Никон, носивший титул Великого Государя, «провоцировал в народе ощущение того, что в эпоху столь ужасающих перемен и массовых страданий история идет к своему концу»[4].

Период недолгого пребывания на кафедре Патриарха Никона (1652–1658) был не только отсчетом середины XVII столетия. Это было время, когда Русь объединилась после Смутного времени, расцвела и входила в новую для себя систему цивилизационного взаимодействия.

Достаточно беглого ретроспективного взгляда, чтобы оценить подвиг крошечного Московского княжества, принимавшего на себя столетие за столетием удары азиатских полчищ и прикрывавшего собой Европу. В начале XVII в. объединенные силы теперь уже самой Европы и прибалтийских княжеств под разными предлогами устремились к захвату Московии. И тем значительнее подвиг молодого государства, расположенного на Среднерусской равнине, если учесть отсутствие каких-либо естественных преград, обеспечивающих защиту страны от неприятеля. На малонаселенных землях были сооружены православные обители, систематически разоряемые иноземными захватчиками. Влекомые непонятной силой в глухие дебри, русские монахи строили монастыри, уходя все дальше и дальше в глубь континента, именуемого Евразия.

Дж. Биллингтон констатировал: «...сущность России определяется скорее цельностью внутренней духовной жизни, нежели степенью могущества наружной власти. Нам никогда не удастся полностью проникнуть в тайну внутреннего мира молчания и бесконечной молитвы, что определяла – и определяет до сих пор – монашескую культуру России». Он же отметил: «Никон выстроил свой мессианский редут – Новоиерусалимский монастырь на реке Истра к западу от Москвы»[5]. С высказыванием Дж. Биллингтона перекликается интересное наблюдение русского мыслителя Н.О. Лосского: «...мы, земные люди, воспринимаем жизнь великих людей отрывочно, не понимая смысла и связи многих элементов ее...»[6]. Е.Р. Стрельникова, представитель Комиссии по канонизации при Вологодском епархиальном управлении, курировавшая все сложнейшие этапы восстановления поклонного креста на Никоновом острове, написала: «Устройство острова и водружение Креста было духовным подвигом Святейшего, дающим нам повод для глубоких раздумий о судьбоносности времени его первосвятительского служения»[7].

11 марта 1652 г., в четверг на второй неделе Великого поста, во исполнение постановления церковного Собора и воли Царя Алексея Михайловича митрополит Новгородский Никон возглавил посольство на Соловки за мощами святителя Филиппа. Строго говоря, путь преосвященнейшего Никона к чудотворцу Филиппу начался еще в 1625 г., когда он стал священником в селе Колычево. Безусловно, повествования о житии подвижника оказали на восприимчивую душу будущего Патриарха благотворное влияние. Далее путь привел его к месту упокоения святителя Филиппа (Колычева) – в Соловецкий монастырь. Потрясающее и ныне возведение 47-летнего монаха, бывшего крестьянина Никиты Минова, на древний престол Московских Святителей чудесно совпало с возвращением мощей митрополита Филиппа в Успенский собор. Представлялось, что новый Московский Святитель – Патриарх Никон – продолжит делание митрополита Филиппа. Так и стало: первыми действиями Святейшего стали основание и возведение двух монастырей – Иверского Валдайского и Крестного Кий-островского, – посвященных не только Божией Матери, Иверскому ее образу, и Животворящему Кресту Господню, но и памяти святителя Филиппа.

Не только наглядные примеры зодческой и хозяйственной деятельности великих предшественников могли служить руководством для Святейшего Патриарха Никона, но и его обширные богословские и научные познания. Спустя два столетия Московский митрополит Платон скажет о нем: «Патриарх Никон... муж просвещенный

[4] *Биллингтон Дж.-Х.* Указ. соч. С. 54, 55.

[5] Там же. С. 27, 57.

[6] *Лосский Н.О.* Мир как осуществление красоты: Основы эстетики. М., 1998. С. 266.

[7] *Стрельникова Е.Р.* Крест на острове Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» М., 2002. С. 81.

выше века своего»[8]. При возведении Воскресенского собора в монастыре Нового Иерусалима по указаниям Патриарха на стенах были помещены тексты, разъясняющие смысл Литургии, церковных таинств и священных предметов (определенная часть текстов взята из поучений Иоанна Златоуста и «богомудрой» Скрижали)[9]. Значение нравственного примера, явленного в житии и трудах Святителя Иоанна Златоуста, несмотря на прошедшие 1600 лет, для человечества не имеет границ, ибо большую часть года совершается Божественная Литургия по чину, который носит его имя. С полным правом Святителя Иоанна Златоуста можно назвать предтечей Святейшего Патриарха Никона. «...Пришел Кормчий душ наших – Христос, утвердил древо крестное посреди земли и устроил для нас безбурное плавание в Небесный Град»[10], – эта мысль Иоанна Златоуста станет определяющей для всей деятельности Патриарха Никона.

То, что Патриарх Никон основывал и строил свои монастыри в пустынных сельских местах, было действенным ответом на повеления святителя Иоанна Златоуста: «...убеждаю, умоляю и прошу как милости, или лучше, поставляю даже законом, чтобы никто не имел села без церкви»[11]. Святитель пояснил, чем славно селение, имеющее священника: «Здесь нет распутства: оно отвергнуто; нет пьянства и объядения: они изгнаны; нет тщеславия: оно погашено; здесь радушие больше сияет от простосердечия»[12]. Иоанн Златоуст наставлял: «Искать полезного для общества – вот правило совершеннейшего христианства»[13]. «Христос ... заповедал каждому из нас во время молитвы принимать на себя попечение и о вселенной, – Он не сказал: да будет воля Твоя во мне или в нас, но на всей земли, – т.е., чтобы истребилось всякое заблуждение и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродетель и чтобы, таким образом, ничем не различалось небо от земли»[14].

Не здесь ли корень исключительного гостеприимства, которое оказывал Святейший Никон в Воскресенском монастыре? «Еще же обычай имяше таковый: ...странных же и пришельцев с собою в трепезе питаше, и по обеде убо всем оным странным и пришельцем нозе омываше, елико их случашеся. Бяху бо во оныя времяна многия брани с разными государствы, ратныя же люди от путешествия уклоняхуся упокоения ради во обитель его, он же всех приимаше и насыщаше и ноги омываше, елико их не прилучишися, яко бе по сту и по двести и по триста во един день питаше»[15], – писал очевидец. Примеров человеколюбия в таких масштабах Русская Церковь не знала ни до описываемого времени, ни впоследствии. Все поступки Патриарха Никона носили характер духовного собеседования не только с Иоанном Златоустом, но и со всею полнотою Вселенской Церкви, ибо святые Отцы Второго Никейского собора (787 г.) определили: «...исповедуя спасение, мы провозглашаем его делом и словом».

Невозможно представить себе, чтобы такой гений, зодчий, каким являлся Патриарх Никон, не был в мыслетворческом диалоге с современным ему миром. Удивительно символическим образом строительное творчество Святейшего Патриарха связано с активной деятельностью итальянского архитектора и скульптора Лоренцо Бернини. Изучение фундаментальных принципов, которыми руководствовались два великих мастера, находившихся в своеобразном духовном творческом поединке, позволило сделать вывод: «Бернини землю нивелирует и мостит камнем, Патриарх Никон возводит на ней высоты и венчает ее храмами»[16]. Необходимо сопоставить и другие приемы творчества, чтобы в достойной мере оценить значение деяния Святейшего Патриарха Никона. Рассматривая мраморные скульптуры, изваянные Бернини, порой трудно отказаться от мысли, что это искусство подвластно мастерству человека. Мрамор – материал до чрезвычайности

[8] *Платон, Митрополит Московский.* Краткая церковная история. М., 1805. С. 234.

[9] Этой теме посвящено множество исследований (см.: *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002; *Лебедев Лев, прот.* Москва патриаршая. М., 1995; *Патриарх Никон.* Труды / Научн. исследование, подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М., 2004.

[10] Полн. собр. творений св. Иоанна Златоуста: В 12 т. (далее – Златоуст). СПб., 1906. Т. 12. С. 905.

[11] Златоуст. Т. 12. Кн. 1. С. 177.

[12] Златоуст. Т. 9. Кн. 1. С. 178.

[13] Там же. Т. 10. Кн. 1. С. 247.

[14] Там же. Т. 7. Кн. 1. С. 223.

[15] Житие Никона, Патриарха Московского и всея Руси. С. 71–72.

[16] См.: *Бондарева О.Н.* Об идейной сущности строительной деятельности Святейшего Патриарха Никона // Социальные конфликты в России XVII–XVIII веков: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 20–22 мая 2004 г.). Саранск, 2005. С. 294–299.

хрупкий. Иное дело в строениях Патриарха Никона. Излюбленный материал Патриарха – глина. Из нее выделывали обожженный красный кирпич и поливные многоцветные изразцы. Всем его строениям (за исключением Кий-островского монастыря) изначально присуще многоцветье: массивы красных стен, приподнятые над белокаменным цоколем, с окнами, отделанными узорчатыми наличниками, керамические полихромные фризы. На карнизе белоснежные плиты подводят своеобразную черту трудам каменщиков, карниз же есть одновременно и опора для кровли, на которой золотые купола, увенчанные крестами, смотрятся небесными богатырями. Если все сооружение представить созданным из тесаного известняка, как издревле было на Руси, то, безусловно, здание имело бы более строгий вид. Недостатка ни в камне, ни в мастерах в Московии не было. Но Патриарха привлекал иной материал. В «Повести и сказании о похождении во Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы... (1649–1652)» говорилось: «Святый бо Иердан... течет меж гор быстро, земля глиниста, вода бела и лехка»[17]. По-видимому, это свидетельство паломника Святейшим Никоном было принято во внимание, но еще важнее было сохранить преемственность указаний Священного Писания применительно к строительной деятельности: как преображается глина и становится многоценным материалом, пригодным не только к кладке, но и к возведению иконостасов, так и естество человека может быть преображено его личным совершенствованием и схождением Духа Святого. Согласно выводу Т. Бургхардта, «...грубый материал – это образ души, которая должна быть преобразована Духом»[18]. Глина – грубый материал, и в середине XVII в. благовествующий Святейший Патриарх Никон блестяще, подобно Святителю Спиридону Тримифунтскому († 348), решил задачу, ибо, по определению М.В. Зызыкина, «Православие было для него строительной силой»[19].

Все исследователи строительной деятельности Патриарха Никона[20] обращали внимание прежде всего на обилие вод, среди которых Святейший располагал монастыри. Устремленные ввысь золотые купола храмов, созданных Никоном, сливались с небесами в отражении вод. Становилась осязаемой вертикаль, соединяющая мир Горний с миром дольним. И все это было на приволье, на свободе, где наиболее глубоко чувствует человек драгоценный дар, полученный от Бога, и преисполняется не страха и трепета, а радости пред Его величием.

Безусловно, и Бернини руководствовался словами псалмопевца Давида: «Речная устремления веселят град Божий». «Бернини всегда, когда может, проводит воду в центр города», – указывал на характерную особенность творчества архитектора итальянский искусствовед Дж. Арган и продолжал: «Фонтаны становятся для него основным элементом городского убранства»[21]. Характерным для Бернини явилось сооружение фонтана «Четырех рек». Вот как его описывают исследователи: «...фонтан представляет центр мира. У подножья четырех скал располагаются олицетворения рек, представляющих континенты: Ганг в Азии, Нил в Африке и Ла Плата в Америке. То обстоятельство, что Европу здесь, воздавая хвалу Папству, представляет скорее Дунай, чем Тибр, объясняется тем, что последний находится в центре веры, откуда началось христианское миссионерское завоевание континентов, а территории к северу от Дуная намекают, помимо всего, на новое распространение влияния католичества...»[22]. Догадаться, какое государство располагалось севернее Дуная, для пьющих из фонтана было нетрудно. Там была Русь. Таким образом, аллегорическая сущность этого фонтана соединяла в себе и территориальные, и исторические вожделения. Но даже гению архитектора и инженера неподвластна имитация природы в городской среде: тонкие струи воды, изливающиеся из каменных расщелин, не могли представлять величавую полноводность рек в их свободном и привольном течении. В начале XX в. немецкий мыслитель О. Шпенглер произнес этой стороне творчества Бернини свой приговор: «застывшая символика заковала в камень все живое»[23].

---

[17] Православный Палестинский сборник / Под ред. С.О. Долгова. СПб., 1895. Т. XIV. Вып. 3. С. 20.

[18] *Бургхардт Т.* Сакральное искусство Востока и Запада: Принципы и методы. М., 1999. С. 76.

[19] *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи: В 3 т. Варшава, 1931–1939 (репринт: М., 1995). Т. 1. С. 17.

[20] См.: *Алферова Г.В., Баталов А.Л., Вятчанина Т.Н., Грабарь И., Топоров С., прот. Лев Лебедев.*

[21] *Арган Дж.-К.* История итальянского искусства: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 85.

[22] Барокко: Архитектура. Скульптура. Живопись / Под ред. Р. Томана. Б. м., 2000. С. 288.

[23] *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1998. Т. I. С. 363.

Памятником высокого духовного настроя стало Никоновское Патриаршее «Слово благополезное о создании монастыря Пресвятые Богородицы Иверския и святаго новаго исповедника и священномученика Филиппа, Митрополита Московскаго и всея Руси чудотворца, иже на Святее Езере...». Начало «Слова» по-древнему былинно:

> Великая от вещей великих требуют и повестей
> и светлая дела светлаго и сказания требуют. ...
> Но Господи, Господи, даждь ми силу словес явити
> дела Твоя...

Испросив у Царя Алексея Михайловича согласие на создание монастыря, Патриарх Никон послал мастеров, «искус ведущих о строении», которые обрели остров «не зело велик, но зело красен». После этого были начаты работы по расчистке места под строительство и воздвижение деревянной церкви в честь Иверской иконы Божией Матери. В одухотворенном своем повествовании Святейший Патриарх заметил: «Не аз бо един тако о святем месте том творю похвалу, но и вси обретшиеся со мною смиренным, в пути преставшее о всех глаголати, но аки от единых уст о красоте мест того койждо к себе беседоваху, похваляюще святое то место...»[24]. Архидиакон из Антиохии Павел Алеппский, бывший свидетелем первых лет патриаршества Никона, отозвался об избранном для строительства месте так: «Мы дивились на это благословенное место и его приятнее местоположение: поистине нет ему подобного в мире, и в будущем оно станет примером всем векам»[25].

Одновременно с Иверским монастырем Патриарх Никон возводил Воскресенский монастырь Нового Иерусалима. Современному туристу, спешащему в далекие страны, вероятно, странно читать записи венесуэльского генералиссимуса Франсиско де Миранды от 26 мая 1787 г. о «уединенных, и поистине чарующих местах»[26] Новоиерусалимского монастыря.

Совершенный образец монашеской пустынной обители дан в описании Крестного Кий-островского монастыря: «Сурова природа этих мест: скалы словно обрезаны надвое тою горизонтальною чертою, до которой поднимаются приливы; под нею не цепляются за скалы ни единой травки, ни единого корешка, и скалы эти вечно лоснятся в своем розовом обнажении, вечно обмываемые; начинаются мхи и травы, и поднимается старый хвойный бор, в гущах которого приютились три монастырские церкви...»[27].

Краткие красочные характеристики российских мест, с любовью облагораживавшихся Святейшим Никоном неопровержимо свидетельствуют, что Патриарх Никон вопреки разрушительному натиску западноевропейского Ренессанса (Т. Бургхардт заметил о характере Ренессанса: «...утрачивая свою приверженность Небу, он лишается также и связи с землей»[28]) упрочивал связь своих монастырских строений с природным окружением, усиливал их связь с миром Горним.

К празднику Рожества Христова 1935–1936 гг. митрополит Антоний (Храповицкий) диктовал статью «Патриарх Никон и Россия». Убеленный сединами иерарх говорил: «Особенно рвется мое сердце к гениальным созданиям величайшего человека русской истории Патриарха Никона – Воскресенскому монастырю (Новому Иерусалиму), как бы сходящему с неба, Крестному монастырю на Белом море и Валдайскому Иверскому монастырю в Новгородской губернии.

Иверский монастырь белеет среди озера с синими куполами и величественным иконостасом... Великолепная прозелень иконостасного тела и фонов передает особенную духовность многоярусному сочетанию священных изображений: не только сами святые кажутся поднимающимися к небу, но будто поднимают за собой и богомольца»[29]...

Впечатления многострадального владыки Антония полагаю необходимым дополнить своими наблюдениями: в ясные ночи в самом монастыре Нового Иерусалима, когда небо усеяно мириадами звезд, когда луна совершает свое торжественное шествие, кресты и купола Воскресенского собора предстают словно приблизившиеся с комических высот небесные лампады.

Безусловно, Патриарх Никон руководствовался наставлением Святителя Иоанна Златоуста о том, что Спаситель «повелел землю сделать небом и,

---

[24] *Патриарх Никон*. Труды. С. 82.

[25] *Павел Алеппский*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария. М., 2005. С. 451.

[26] *Миранда Франсиско, де*. Путешествие по Российской Империи. М., 2001. С. 198–199.

[27] *Случевский К.* По северо-западу России. СПб., 1897. Т. 1. С. 386; также см: *Патриарх Никон*. Труды. С. 538.

[28] *Бургхардт Т.* Указ. соч. С. 188.

[29] *Антоний (Храповицкий), митр*. Патриарх Никон и Россия. Б. м., 1936.

живя на ней, также вести себя во всем, как бы мы находились на небе, и об этом молить Господа»[30].

Невозможно обойти вопрос об именовании Воскресенского монастыря в Подмосковье Святого Живоносного Христова Воскресения монастырь Нового Иерусалима. В свое время Патриарху Никону это именование было поставлено в вину боярином Семеном Стрешневым с помощью так называемого Газского митрополита Паисия Лигарида[31]. Сомнительно, чтобы обвинителям Патриарха не было известно, что у строящегося русского монастыря был одноименный предшественник. В столице Византии Константинополе, вблизи Золотых Ворот, с V в. находился монастырь с храмами, посвященными образам Богородицы Иерусалимской и Живоносного Источника, именуемый «Новый Иерусалим».

Никон, Святейший Патриарх, безусловно зная историю икон Божией Матери Иерусалимской и «Живоносный Источник» и устанавливая на Руси почитание этих образов, опирался на византийскую традицию[32].

Авторитетный знаток древнерусской иконографии академик Б.В. Раушенбах (1915–2001) в конце XX в. дал объяснение явлению, с которым довелось столкнуться Святейшему Патриарху Никону в середине XVII в.: «Падение богословской глубины икон, которое наблюдается в России начиная с середины XVI в. и в XVII в., происходило не без влияния Запада; появившееся стремление к “правильному” рисунку исключало передачу высшего смысла, все это можно хорошо видеть на иконах XVII века. Иконы “Рождество Христово” теряют свой строгий облик. На них нередко изображается масса эпизодов вплоть до “Бегства в Египет”, сообщающих иконе фрагментарный характер... Здесь очевидна поверхностная повествовательность и потеря того поразительного единства, о котором шла речь. На иконах “Сретение” даже иногда исчезает изображение престола – идейного центра высоких композиций XV в.»[33].

То, что констатировал Б.В. Раушенбах «сквозь даль времен», Святейший видел гораздо ярче: хлынувший поток ремесленных копий, подделок под иконопись извращал духовное зрение. Патриарх Никон был воспитан в древнерусской иконописной традиции. Доказательством является благословение прп. Елеазара иеромонаху Никону на устроение образа Нерукотворенного Спаса.

Но, видя постепенную утрату богословской глубины современной ему иконописи, Святейший Патриарх Никон откликнулся дерзновенным поиском новых форм храмоздательства, которые бы возвещали: «Гор имеем сердца...», т.е. устремим сердца и помышления в Горний, святой мир. Результатом этих поисков стало строительство Святого Живоносного Христова Воскресения монастыря Нового Иерусалима – зримого воплощения великой сути Евхаристии.

«Чтобы понять Евхаристическую литургию, в ней *нужно* прежде всего увидеть *шествие* или *странствие*. Это шествие, это восхождение народа Божьего, Церкви *на небо*, в то Небесное святилище, куда вознесся Христос и нас совознес с Собою»[34], – написал в 1963 г. известный православный литургист протопресвитер А. Шмеман (1921–1983). Отец Александр, соединявший в себе дарования проповедника, исследователя и историка Церкви, не мог обойти молчанием изменение понятия сути Таинства западными богословами, оказавшими влияние

[30] Полн. собр. творений св. Иоанна Златоуста. Т. 7. С. 223.

[31] Паисий Лигарид (1610–1678), окончил иезуитскую коллегию в Риме со степенью доктора богословия. В 1641 г. был отправлен на Восток. В 1651 г. принял монашество, в 1652 г. посвящен в митрополита Газского, но в свою епархию не поехал. Проклятый как еретик Патриархами Константинопольским и Иерусалимским, лишенный кафедры, он добыл рекомендации от уважаемых на Руси лиц и в начале 1662 г. прибыл в Москву. Здесь его услугами воспользовался злейший противник Патриарха Никона боярин Семен Стрешнев. Интригуя и угождая, Лигарид сумел стать главной теневой фигурой в организации гонений на Святейшего Патриарха Никона. Он, исполняя задачи Римской Пропаганды, не только эффективно участвовал в подрыве государственной мощи Русского царства, но и выступал, в частности, за прекращение патриаршей строительной деятельности. Целью было лишить российских людей зримых источников огромной созидательной силы России и, главное, скрыть жизнеутверждающий образ Нового Иерусалима.

[32] *В.Ш.:* В монастыре Нового Иерусалима в земляной церкви свв. Кнстантина и Елены Живоносный источник был устроен с учетом архитектурного решения константинопольского образца: над колодцем отверстие в потолке как бы соединяет придел обретения Креста Господня с палаткой-лантернином – приделом св. Филиппа, митрополита Московского, – расположенной над ним. В этом верхнем приделе у восточной стены был установлен керамичесий крест в меру Креста Господня, который отражался в водах Живоносного источника.

[33] *Раушенбах Б.В.* Пристрастие. М., 1997. С. 157

[34] *Шмеман Александр, протопресв.* За жизнь мира. М., 2003. С. 24.

и на православную мысль: «Больше же всего игнорируется здесь Небесная сущность Евхаристии, совершение ее восхождения "на Небо" – увы, все развитие сакраментального богословия – западного в своих источниках, но усвоенного в "темные века" и православным Востоком, прошло по пути не вертикального, а горизонтального определения Таинств, применения к святейшей Тайне Евхаристии категорий и понятий "мира сего"».

Сама «восходящая», словно лестница в небо, архитектура Воскресенского собора, по внешнему своему убранству не имевшая аналогов в мире, призвана была дать человеку свидетельство о подвижничестве. Это был образ проповеди, созданной и увековеченной в камне, завершенной святыми куполами с водруженными на них Крестами. Задолго до того, как современный нам монах Софроний (Сахаров) произнесет, что «Истинное христианство в мире почти не проповедуется»[35], Святейший Никон, воспитанник двух православных обителей, своими зиждительными деяниями будет препятствовать времени малодушия и маловерия.

Величественный замысел зодчего особенно ярко раскрывается во время крестных ходов, совершаемых по стене монастыря. Это шествие с возженными свечами, пением тропарей, произнесением ектений (прошений) над землей, созерцание устремленного ввысь, к небесам собора пробуждало у каждого паломника небесное вдохновение. Не случайно монастырь Нового Иерусалима так полюбился Н.Ф. Федорову – мыслителю, мечтавшему об освоении космического пространства. Но крестный ход вдоль монастырских башен – Сионской, Гефсиманской, Дамасской, Ефремовой, Варуха, Иноплеменничьей, Елизаветинской, Давидовой, – свидетельствовал о связи времен, поколений и объединял пространство.

Итак, монастырь Нового Иерусалима есть образ Откровения, призванный возвестить главную мысль: «...страшливым же и неверным, и скверным, и блуд творящим, идоложерцам и всем лживым» (Откр. 22, 8) внутри святого града-монастыря быть не должно.

«Епископи убо во вся дни должны суть учити причет церковный и вся люди своя благоверию и Божественным повелениям»[36], – утверждал Патриарх Никон в «Возражении...», разоряя вопросы-ответы объединившихся против него противников – боярина Стрешнева и Паисия Лигарида (союза доморощенного невежества и международного авантюризма).

Святейший не уточнил, каким образом архиерей должен поучать свою паству – письменными и иными трудами или словесными поучениями. В совершенстве владея даром слова, Патриарх являл пример трудолюбия и смирения. Очевидец писал: «...Святейший Патриарх начат окрест монастыря пруды копати и рыбы плода деля сажати, и мелницы устроив и всякия овощныя сады насаждая, такожде з братиею лес секуще и поля к сеянию разширяше, из болота же рвы копающе сенокошение устрояюще и сено гребуще, везде же всякия труды труждаяся сам собою; во всем образ показуя братиям...»[37]. Митрополит Антоний Храповицкий почтил память Святейшего Патриарха Никона такими словами: «Гений этого великого человека заключался в том, что он глубоко проникал в народную душу, в сокровеннейшие ее тайники, он сливался с народом».

Суть нравственного урока, преподанного Святителем в XVII в., стала известной в Европе еще в середине XIX в.[38]. Россия же начала осознавать этот урок в XX в., а к полному осознанию подходит лишь теперь – в веке XXI. Лучше всего сказал об этом протоиерей Сергий Булгаков: «...история не только не стоит уже перед раздирающим концом, но еще внутренно не окончена, а потому и история Церкви еще имеет перед собой новое, нераскрытое будущее и перед лицом этого будущего уместно думать, может быть, не о конце, но скорее о начале истории...»[39].

Неудивительно, что затерянный в северных просторах России, заросший кустарником и камышом, микроскопический в планетарном масштабе рукотворный островок Патриарха Никона (по сути своей он четвертый, где Святитель утвердил Крест Господень; три монастыря, построенные Святейшим на островах, воздают честь Пресвятой

[35] *Софроний (Сахаров), иеромонах.* Старец Силуан. М., 1994. С. 214.

[36] *Патриарх Никон.* Труды. С. 243.

[37] Там же. С. 38.

[38] *Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. V. 1–6; History of the Condemnation of the Patriarch Nicon by a Plenary Counsil of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A.D.: 1666–1667: Written by Paisius Ligarides of Scio. L., 1871–1876; *Stanly A.* Palmers dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Communion. L., 1853; см. также: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи.

[39] *Булгаков С.Н.* Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 375.

Троице[40], раскрывая полноту четероевангелия...) становится своеобразным камнем преткновения для многих пытающихся понять Россию в ее культурном и историческом наследии, утвержденном на кафолично-экклезиологических началах.

Св. Ириней Лионский находил особый символический смысл в четверичном числе Евангелий: «Так как четыре страны света, в котором мы живем, и так как Церковь рассеяна по всей земле, и свое утверждение имеет в Евангелии, то надлежало ей иметь четыре столпа, отовсюду веющих нетлением и оживляющих человеческий род. Всеустрояющее Слово, восседающее на херувимах, дало нам Евангелие в четырех видах, но проникнутое одним духом»[41]. Согласно православной традиции слова Святителя Иринея помещаются в предисловии к богослужебному Евангелию. В послесловии к русскому изданию 1636 г. его мысль была развита от имени главы Русского государства: «Повеле Царь Иоанн Васильевич напечатати сию Боговдухновенную книгу Тетроевангелие, сиречь четвероблаговестие Матфея, Марка, Луки, Иоанна; благовестие же глаголется, зане вестить на вещи благи и добры...»[42].

Патриарх Никон, читавший буквально от доски до доски богослужебные книги, это не только знал, но своим феноменальным аналитическим умом оживотворял. Он жил и действовал не по букве только, но по Духу, – он живил букву: умудренный разумом тысячелетий Святейший творил «неформальный» поступок – среди озера строил остров. Это было продолжение, осуществление его проповеди, возвещенной и отлитой еще в 1658 г. на Воскресенском колоколе в монастыре Нового Иерусалима: «Четыре же Евангелиста, четыре столпи миру, и четыре добродетели от Евангелия научаемся: мужеству, мудрости, целомудрию, правде. Ибо четыре части миру суть: восток, запад, север и полудние, и четверочастно круг лету венчается: весною, летом, осению, и зимою, и четверочастно земля состоится: Европою, Асиею, Америкою, Африкою»[43].

Вследствие всего указанного необходимо сделать вывод: четвертый остров – это завершенная картина из Откровения св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова: «Четыре ангела, стоящие на четырех углах земли, держащие четыре ветра земли» (Откр. 7, 1) есть образ «спокойного исторического развития христианского мира» – по существу, образ христианства; подобно этому и «четвероугольник» небесного града Иерусалима (Откр. 21,16) указывает на совершенство, устойчивость и постоянство.

Важным аргументом в пользу устроения острова следует считать необычайное природного видение, описанное Святейшим Патриархом в «Слове благополезном о создании монастыря Пресвятыя Богородицы Иверския...»: «Ониже (паломники Симеон, Иоанн и Феодор. – *О.Б.*)... возревше ко святей обители, видеша над святою тою обителиею четыре столпа огненныя: и един от них велик зело огнен, тии же три менши. Мужие же тии видевше странное и страшное то видение на мног час, постоявше паки пути касахуся; бе же шествия того до святаго места яко пять поприщ или боле. И дондеже им грядущим, столпи же тии паки невидими быша. Мы же слышавше и о сих немало подивихомся благодарившe Бога и святыя щедроты Его на всех делех Его: близ Господь всем призывающим Его, воистину волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит»[44].

---

[40] *В.Ш.*: Как богомудрый пастырь, назирающий за правилом исполнения закона благодати, Патриарх созидает в земной жизни православящей паствы зримые образы Того, чьей силой и в чьей славе мир утверждается и мера исполняется. Свидетельствуя «на небеси Рай, на земли Валдай», строитель-зодчий предлагает религиозному духу денно и нощно пребывать под омофором Пречистой ходатаицы и заступницы Богородицы в путях житейского моря, в котором утверждающе-спасительным маяком есть и будет Пречестный Крест Господень – *«Крест хранитель всея вселенныя: Крест красота Церкви: Крест царем держава: Крест во бране победа: Крест верных утверждение: Крест ангелом слава: Крест христианом упование: Крест заблудшим наставник: Крест труждающимся тишина: Крест недужным врач: Крест мертвым воскресение: Крест бесом язва»*; в скорбях, муках, с сокрушенным сердцем, в надежде воскресения личное взнесение креста на Голгофу завершается сораспятием Христу и торжественным «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». Торжественно восславляя в единосущной и нераздельной Троице Бога-Отца и Сына и Святого Духа, Святейший Патриарх Никон образами своих монастырей явил вверенной ему пастве замысел Божьего домостроительства. Образ же кроткого и смиренного крестовозношения как образ стояния в вере Христовой, как образ личного подвига явил своей богоспасаемой пастве по евангельскому учению «и нося крест Свой, изыде на глаголемое лобное место» (Ин. 19, 17) созиданием рукотворного острова посреди вод житейского моря, «одолеваемого напастей бурею», с утвержденным на камени честным Крестом: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»...

[41] Толковая библия / Под ред. А.П. Лопухина: В 3 т. Т. 3. Стокгольм, 1987. С. 22.

[42] *Никольский К., прот.* Пособие к изучению устава Богослужения Православной Церкви. СПб, 1907. С. 398.

[43] *Патриарх Никон.* Труды. С. 718.

[44] Там же. С. 83.

Таким образом, необыкновенное духовное мышление, где дивное и чудное у Патриарха Никона сплавляется с его могучей волей, жертвенностью, чтобы возвести молитву о спасении человечества. Только так Патриарх Никон смог утвердительно повторить вслед за святителем Иоанном Златоустом: «Царю вверены тела, а священнику – души; царь прощает недоимки денежные, а священник – недоимки греховные; тот заставляет, этот убеждает; тот действует повелением, этот советом; тот имеет оружие чувственное, этот – оружие духовное...»[45]. Потом будут допросы, уничтожение крестов, поставленных ссыльным печальником за землю Русскую, но остров, созданный Святейшим Патриархом Никоном, навсегда останется заветом спасения.

Во время гонений святитель Иоанн Златоуст поведал своим ученикам: «Велики волны, свирепо волнение, но мы не боимся потопления, ибо стоим на скале. Пусть пенится и ярится море, но оно не может сокрушить скалы. Пусть вздымаются волны, но Иисусова корабля они не смогут потопить»[46].

Итак, деяния Святейшего Патриарха Никона следует видеть во всей полноте Евангельского и святоотеческого учения как единое с ними и неотделимое от них. И островок на Бородавском озере близ Кириллова монастыря с водруженным Крестом есть Корабль Божественный, а ранее возведенные обители на островах есть Флотилия Спасительная. И земля, просвещаемая святыми монастырями, есть также Корабль по именованию «Русь Святая».

Святейший Патриарх прозревал будущее и действовал вразумляемый Духом любви: разрешал от грехов, врачевал, постригал, благословлял и оказывал помощь вступающим в брак, ибо видел будущее Отечества земного под сенью Спасительного Креста, а это, по его «Слову о Животворящем Кресте»: «...есть бо кто, уповая на силу Святаго Животворящаго креста, творит милостыню, да благословит Бог дело его: и Бог благословляет дело его. Другий творит милостыню, да спасется корабль его: и Бог спасает корабль его... Той бо Честный и Животворящий Крест вселенныя слава и радование, благочестивых царей непобедимое оружие, безсильных сила, благочестивых людей победа и укрепление, доброчестивых воинов дерзновение, путешественников спутник, обуреваемых победа, бедствующих избавление...». Эти светлые, исполненные духовной мудрости строки, написанные бывшим мордовским крестьянином, Святейшим архиепископом великого града Москвы и всей Великой и Малой и Белой России и всех северных стран и поморья и многих государств Патриархом Никоном, станут заветом для сохранения дара жизни.

Созданный рукотворный каменный остров – последнее зодческое деяние Святейшего Патриарха Никона – не следует воспринимать буквально как убежище или пристанище. В феврале 1917 г. старец Анатолий Оптинский предсказал: «Будет шторм. И русский корабль будет разбит... и все щепки и обломки, волею Божией и силой Его, соберутся и соединятся, и создастся корабль в своей красе, и пойдет своим путем, Богом предназначенным. Так это будет явное всем чудо»[47]. Известный американский писатель Т. Уайлдер (1897–1975) в романе «День Восьмой» вложил в уста одной из своих героинь утверждение: «Россия – тот ковчег, где спасется человечество в час всемирного потопа»[48]. Уайлдер словно был в диалоге со своим духоносным соотечественником, иеромонахом Серафимом (Роузом) (1934–1982): «Православие является *верой*, цель которой есть спасение нашей души...»[49].

Шел 1666 год. Перед началом судилища Святейший Патриарх Никон в самой высшей части возвигаемого Воскресенсого собора поместил молитву-упование Христу Спасителю, начальнику жизни, что Господь «даст нашему зданию, иже по Бозе рассуждаем, здателя блага и учителя...».

© Бондарева О.Н., преподаватель кафедры русского языка и литературы
Санкт-Петербургского государственного горного института
(технического университета)

---

[45] Златоуст. Т. 6. Кн. 1. С. 412.

[46] Житие Иоанна Златоуста // Там же. Т. 1. С. 356.

[47] Цит. по: *Серафим (Роуз), иером.* Будущее России и конец мира // Русский паломник (США). 1990. № 2. С. 99.

[48] *Уайлдер Т.* День Восьмой. М., 1976. С. 409.

[49] *Серафим (Роуз), иером.* Указ. соч. С. 97.